

Рудольф Штейнер

Лекция 2

***Связь отдельной человеческой души с
Народной Душой в бодрствовании и во сне.***

Из GA 174a

**Средняя Европа между
Востоком и Западом**

Космическая и человеческая история (т.6)

Перевод с немецкого А.Демидов

**ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ
Мюнхен, 3 декабря 1914**

*Связь отдельной человеческой души с Народной
Душой в бодрствовании и во сне. Самобытность
французской, итальянской и русской Народных Душ.*

Значение Михаила для явления Христа в эфирном. Переворачивание военных констелляций в духовном. Опустошающее действие имагинаций, не дошедших до сознания. Связь немецкого оккультизма с духовной жизнью немецкого народа. Противоположность между немецким и британским оккультизмом.

Лекция, прочитанная позавчера, легко может вызвать ощущение, как если бы, лишь об одной Народной Душе следовало односторонним образом говорить из чистой симпатии. Если бы духоиспытатель стал говорить сегодня об этих вещах из чистой симпатии, руководствуясь страстями, то наверняка случилось бы так, что всё, сказанное им, не имело бы особой ценности как духовное исследование, или всё, что он должен был сказать, будучи направляем страстями, в сущности, внутренне было бы неверным, неправдивым. Насколько то, что говорилось позавчера, несмотря ни на что, должно было быть высказано для современности, как связанное с глубочайшими познаниями духовной науки, - вы должны выяснить себе из особенностей той позиции, которую занимает духовный исследователь по отношению к той или иной Народной Душе.

Уже из самых элементарных антропософских сообщений мы знаем, что под Народными Душами мы понимаем не то, что посредством абстрактных понятий понимает под этим внешний экзотерический мир. Совершенно определенные существа, следует сказать, имеющие ранг Архангела, - об этом всего лишь достаточно прочитать в цикле лекций о «Миссии отдельных Народных Душ» (т.121), - существа с неким сознанием, которое выше, чем человеческое сознание, руководят делами народов. И мы смотрим вверх на эти Народные Души и говорим о них как о действительных, реальных существах,

именно о более реальных существах, нежели мы сами как люди. Как вступает человек в отношении его душевно-духовного существа в отношении с этими Народными Душами? Этот вопрос мы и хотим, прежде всего, поставить.

Мы знаем об изменении жизни человека в отношении его сознания, изменении между бодрствованием и сном; мы знаем, что человек должен бодрствовать, будучи внутри своего физического и эфирного тела и что он потом, между засыпанием и пробуждением существует в своём астральном теле и «я». Если человек между засыпанием и пробуждением находится со своим астральным телом и «я» вне своего физического тела, тогда он находится в регионе, который, - в смысле отношения человека к Народной Душе, к которой этот человек в первую очередь принадлежит в одной определенной инкарнации, - который является совершенно иным, нежели тот регион, в котором находится человек по отношению к этой Народной Душе, будучи в своём физическом теле. Человек благодаря его речи и благодаря многому другому рождается в области своей Народной Души. Как действует эта Народная Душа на человеческую душу, на то, что во сне извлечено наружу из физического и эфирного тела, что, однако при бодрствовании существует в теле? Как действует Народная Душа народа, к которому принадлежит человек, на индивидуальную душу этого человека?

Она действует, в сущности, только в то время, в которое человек погружен в физическое тело, то есть от засыпания до пробуждения. Человек тогда погружен в силы физического и эфирного тела, и в эти силы также посредством, можно сказать, своего рода щупальцев, погружено то, что является Народной Душой, душой того народа, к которому в наибольшей степени принадлежит этот человек в одной инкарнации. Так что мы погружаемся не только в наше физическое тело, мы погружаемся

также в некоторую часть нашей Народной Души. В то время как мы от засыпания до пробуждения находимся в нашем физическом теле, мы, с тем, что происходит в физическом теле, живём внутри этой Народной Души. Из того, что мы испытываем в сообществе с Народной Душой в течение нашего бодрствования, достоянием нашего опыта становится не то, что Народная Душа наговаривает, нашептывает туда, где мы полностью осознаём это в «я», а только то, что она, исходя из эфирного тела наговаривает в подсознание астрального тела, то, что она окрашивает, нюансирует, придавая нашему чувству и темпераменту некоторое направление. Вот то существенное, в наших отношениях с ней. Тот, кто вследствие своей подобающей инициации способен наблюдать, как разыгрывается всё происходящее, когда человек погружается в физическое тело, тот видит, созерцает встречу с Народной Душой при погружении в физическое тело. Но он созерцает и нечто иное. По тому, как я говорю об этом, вы скоро узнаете, что в рамках того, что должен сказать духовный исследователь о той или иной Народной Душе, должна господствовать объективность.

В те моменты, когда духовный исследователь правильным образом оказывается пронизанным силой и светом духовно-душевного начала, и делается способен сознательно жить, будучи независимым от тела, он живёт так, что может наблюдать, где находится человек даже в том случае, если он со своим духовно-душевым, со своим астральным телом и «я» находится вне физического тела. Там духовный исследователь наблюдает, как каждая человеческая душа бессознательно между засыпанием и пробуждением погружается в окружение Народных Душ, актуальных для этого время. Итак, в то время как человек, когда он погружается в физическое тело, находится вместе с Народной Душой своей национальности, то в состоянии сна он в течение соответствующего времени находится вместе с

другими Народными Душами, за исключением той, с которой он находится вместе в физическом теле во время бодрствования.

Духовный исследователь имеет достаточно возможностей для того, чтобы познакомиться с особенностями других Народных Душ, ибо как скоро он в своём свободном от тела состоянии осознает себя самого, он живёт в душевно-духовном вместе с другими Народными Душами точно так же, как он в физическом теле живёт вместе со своей собственной Народной Душой. Было бы совершенно невозможно, исходя из обычных эмоций, страстей односторонним образом говорить то или иное об одной Народной Душе. Однако если духовный исследователь сознательно живёт вместе с другими Народными Душами, то это сознание показывает ему также и то, что каждый человек между засыпанием и пробуждением бессознательно связан с другими Народными Душами, хотя и несколько иначе, нежели со своей собственной Народной Душой. Когда человек погружается в физическое тело, он учится, пусть даже бессознательно, познавать отдельную Народную Душу с её сущностными свойствами, познавать её наиболее важную деятельность в её воздействии на себя. Во сне, или в интернациональном состоянии он учится познавать другие Народные Души, но уже не как отдельные, но в их взаимодействии; лишь его собственной Народной Души нет при этом. Другие действуют совместно как в одном хороводе, и в пределах того, чем является эта их круговая совместная деятельность, человек живёт, подобно тому, как днём в физическом теле он живёт со своей Народной Душой. Итак, тут (*в состоянии сна*) человек живёт вместе не с отличительными свойствами одной Народной Души, но с неким взаимодействием. Имеется лишь одно, вследствие чего человек в свободном от тела состоянии, то есть во сне, может оказаться как бы принуждённым, может с гарантией оказаться принуждённым к тому,

что он будет вырван из нормального совместного бытия с хороводом Народных Душ и будет вынужден жить лишь с одной чуждой ему Народной Душой. Поймите меня правильно; это ненормально - быть вместе с одной чуждой Народной Душой; но человек может дойти до этого, если он особо эмоционально ненавидит эту другую Народную Душу. Тем самым он обрекает себя, чтобы быть вырванным из хоровода других Народных Душ и в состоянии сна находиться лишь с этой одной Народной Душой, подобно тому, как во время бодрствования он находится вместе с собственной Народной Душой.

Это объективные истины, которые даёт духовный исследователь. Они показывают вам, что горькая серьёзность имеется во фразе, которую часто высказывают со стороны духовной науки: то, что выступает навстречу нам во внешней действительности, есть Майя, великое заблуждение, и что за этой Майей, за этим покровом лежат истины, о которых тот, кто довольствуется лишь этим покровом Майи, не только не может узнать ничего посредством своего рассудка, но не может узнать ничего и посредством своей воли. - В наше время есть много, много людей, которые ещё не могут увидеть того, что лежит за покровом этой Майи. Поэтому они не могут понять, что существует такой сверхчувственный, невидимый мир, и что там человеческая душа относится к другим Народным Душам совершенно иначе, нежели могут об этом грезить. Если человек серьёзно воспринимает духовную науку, когда она указывает на сферы, связанные с нашей душой, тогда он должен мириться с тем, что тут духовная наука указывает на условия духовного мира, погружаться в которые поистине неприятно, неудобно, - пусть даже на уровне сознания, - так что человек противится этому всей своей волей. Он не желает погружаться, ему хотелось бы, чтобы истины по отношению к очень многим вещам были иными. Не только рассудок, но даже воля

противится тому, что часто вынуждена говорить духовная наука как горькую, серьёзную правду; это нечто такое, что мы хотя бы однажды должны поставить перед своей душой. Из ощущения, которое могло быть вызвано только что высказанным изложением, мы чувствуем, что основная позиция, - которой мы придерживаемся в рамках нашего духовного движения, - о некотором действии, без различия расы, цвета (кожи), национальности и так далее, - в сущности, тесно связана с глубинной сущностью нашего движения; что для того, кто понял глубинную серьёзность духовнонаучных истин, было бы вздорной нелепостью не представлять, не защищать это основную позицию. Это действительно было бы вздорной нелепостью, ибо в самых глубинах человеческого начала ненавидеть существо какой-либо Народной Души как раз и означает обрекать себя на то, чтобы во время сна точно также подсознательно совместно находиться с этой Народной Душой, как во время бодрствования человек подсознательно находится вместе с той Народной Душой, которая является его собственной. Ибо нормальным совместным бытием с Народными Душами во сне является такое: быть вместе со всем хором других Народных Душ, проявляющихся для данной эпохи. Чтобы человек не посмел быть односторонним, - об этом заботится мудрое устройство мира.

Мы часто подчёркивали, как то, что человек должен проделать в ближайшие годы, которые он проживёт между смертью и новым рождением, в некотором отношении зависит от последствий его жизни в теле между рождением и смертью. Но к этой жизни в теле принадлежит также, - это мы можем извлечь из того, что было только что изложено, - связь с Народной Душой. Эта связь с Народной Душой, как я говорил, окрашивает нас, придаёт нам оттенок; то, что Народная Душа в качестве импульса возбуждает в нашем душевно-духовном существе, мы

забираем с собой в духовный мир, когда мы проходим через врата смерти; от этого, как такового мы должны будем постепенно освободиться. Если мы размышляем над этим, нам должно становиться яснее, что от формы и способа того, как человек живёт совместно со своей Народной Душой, зависит, какое позицию займёт он по отношению к этой Народной Душе в своих последующих действиях после смерти.

Давайте рассмотрим две европейские нации, относительно только что поднятого вопроса: русский народ и французский народ. Жизнь Народной Души, в сущности, состоит в том, что эта Народная Душа со своим сознанием должна проявлять активность иным образом, нежели человек с его сознанием. Как действует человек со своим сознанием? Он направляет взор вовне, на горизонт внешних фактов, но может также направить взор назад, на свою собственную душу. Мы знаем, что люди в некотором отношении отличаются друг от друга. К одной группе принадлежит, например, Гёте, который основывается на объективном взгляде на вещи; к другой группе принадлежит Шиллер, который в большей степени занят своим собственным внутренним миром, исходя откуда, он совершает то, что он должен создать. Примерно такими являются и Народные Души, но именно примерно, ибо их сознание совсем иного вида, нежели сознание человека. Народные Души занимают различные позиции по отношению к отдельным индивидуальностям, принадлежащим к данному народу. Когда они направляют свой взгляд вовне, это является в большей степени волевым взглядом, взглядом, который посылает импульсы в отдельного человека, принадлежащего данному народу. Они объективно действуют вовне, когда они направляют себя к отдельной индивидуальности. – Или же они могут в большей степени жить в своём внутреннем мире. К таким Народным Душам, которые в большей степени не предаются, так

сказать, реалистической установке Народных Душ, задействованной на индивидуальностях, но отдают предпочтение идеалистической установке Народных Душ, в большей степени обращенной на жизнь в себе, особенным образом принадлежит французская Народная Душа. Эта французская Народная Душа, в том виде, как она сегодня пронизывает французский народ, имеет известную остановку в сознании вследствие того, что она обращает взор назад на более древнее время. Я уже часто обращал внимание на то, что мы имеем наше физическое обычное бодрствующее сознание вследствие того, что мы погружены в наше пространственное тело. После смерти мы имеем наше сознание вследствие того, что мы смотрим назад на время нашей прошлой жизни. Так как мы уже предчувствуем наиболее характерные черты того высшего сознания, которое раскрывается не в пространстве, а во времени, нам будет не так уж трудно немного понять, что за сознание имеет французская Народная Душа. Она возжигает своё «Я», когда она взирает назад на Древнюю Грецию, ибо она есть, в сущности, своего рода повторение, новое пробуждение Древней Греции. Этот древний эллинизм снова оживает во французской Народной Душе, точно так же как египетско-халдейский третий послеатлантический культурный период оживает в итальянской Народной Душе. Вот почему итальянская Народная Душа имеет больше возможностей возбуждать душу ощущающую в отдельной человеческой индивидуальности, принадлежащей этому народу. Собственная природа французской Народной Души пробуждает в отдельной человеческой душе душу рассудочную или характера. Это можно вполне доказать на примере отдельных подробностей. Даже отдельные исторические факты становятся, удивительным образом понятны, объяснимы, если при этом привлекают общие результаты духовной науки.

В этом направлении следовало бы указать на нечто ещё. Вспомните: что было своеобразной чертой египетской Народной Души? Тогда существовала астрология, непосредственно действующая на душу. Народная Душа смотрела вовне на движения небесных тел и в том, что происходит в Космосе, она не усматривала, как это происходит сегодня, всего лишь материальные процессы, но действительно воспринимала за тем, что происходит снаружи, реальных духовных существ. Она вступала в отношения со всем Космосом, как вступает в отношения один человек с другим человеком, зная про этого другого человека, что у него сквозь всю его физиономию проглядывает душа. Такой физиономией для древнего египтянина было всё, так что он воспринимал душевное начало в природе. Смысл поступательного развития к новому времени был таков, что имевшая место раньше элементарная способность, непосредственно возжигавшаяся в телесности человека, в новое время, в пятую послеатлантическую эпоху, стала его внутренним достоянием, его душевностью. То, что проделывал египтянин, носило более элементарный характер; итальянец же проделывал это так, что внутри себя повторял то, что происходило в его душе ощущающей вследствие того, что в этой душе ощущающей он испытывал это духовно-космическое начало, но испытывал более внутренним, ушедшим в себя образом. Что могло бы в большей степени уйти в себя, стать внутренним, как не египетская астрология в «Божественной комедии» Данте: это истинное воскресение египетской астрологии, но на внутреннем уровне!

Точно также мы можем указать, как, - не в сознании отдельного француза, а в действии импульса Народной Души, - просвечивает древнее греческое начало, древний эллинизм. Это можно проследить вплоть до самых новейших открытий, вплоть до отдельных подробностей; хотя такие

открытия не встречают с должной серьёзностью. Греция и, - как они называли другие народы, - «варвары»; даже это оживает снова. Можно указать на то, что во всей французской литературе и искусстве, - я имею в виду не осознанные, а более глубинные импульсы, - это древнее греческое начало оживает так, как оно и должно оживать в наше время. Итак, мы тут имеем перед собой Народную Душу, которая переработала всё, что было в греческом начале, в эллинизме, Народную Душу, которая поэтому чрезвычайно сильно действует на отдельные человеческие индивидуальности, которая пронизывает и охватывает эти индивидуальности. Следствием отсюда является то, что если отдельная французская душа погружается в физическое и эфирное тело, она погружается в ткань и сущность резко запечатленной деятельности Народной Души. Импульсы этой Народной Души она находит четко запечатлёнными. Вот почему происходит так, что этот француз, когда он воспринимает в своём физическом теле эти чёткую, отчеканенную жизнь и ткань Народной Души, живёт в этом в большей степени, нежели в своём элементарном самоощущении, он в большей степени живёт в образе, в представлении, которое он составляет себе о французах, и которое тут возгоняется вверх от Народной Души. Он живёт образом француза. И с этим образом связано всё то, что имеет для него большое значение: «слава», «честь», и так далее. Француз живёт в собственном образе, который поднимается вверх из эфирного тела. Он сильно отчеканен, это фантастический образ, он соткан вместе с духовно-душевым существом отдельного человека; это образ, сильно подвижный в эфирном теле француз забирает с собой, когда он через смерть идёт в духовный мир. Ему очень трудно отвязаться от своего эфирного образа. Представление, составленное им о самом себе, следует за ним, оно прочно связано с ним.

Совершенно иное отношение Народной Души русского народа к отдельной индивидуальности. Эта русская Народная Душа не повторяет в том же самом смысле какую-либо послеатлантическую культуру, как французский народ; это молодая Народная Душа, она мало впечатывается в эфирное тело. Поэтому отдельная индивидуальность, принадлежащая этой русской Народной Душе, погружаясь в своё эфирное тело, встречает мало отпечатков; поэтому также, когда она переходит в духовный мир, она берет с собой мало отпечатков, мало эфирно сотканных фантастических образов. Так различаются души в отношении к их Народным Душам после смерти. С одной стороны мы имеем воинство таких отдельных душ, которые прошли через смерть, и которые принесли наверх в духовный мир четко сотканные образы своего собственного существа. На другой стороне, на Востоке, мы видим восходящие молодые души, принадлежащие к молодой Народной Душе, приносящие наверх мало четко сотканных, втекших в эфирное тело человеческих образов.

Как я уже часто сообщал, мы стоим перед великим событием грядущего времени: выступлением Христа в совершенно особенном образе. Сегодня я не собираюсь сообщать об этом. Однако Ему предшествует с последней трети 19 века в качестве борца за соответствующую подготовку человека к Явлению Христа тот Дух, которого мы называем Духом Михаила, - борца, предшествующего Солнечному Духу. Теперь всё зависит от того, чтобы в духовном мире это событие, которое должно духовно наступить для человечества, было соответствующим образом подготовлено. Но это может произойти только тогда, если в духовном мире будет проработан чистый образ эфирно являющегося в будущем Христа, Который должен явиться перед человеком как эфирный облик. Но для этого необходимо, чтобы тот, кто шествует перед Солнечным Духом, Михаил, довел до конца борьбу в

духовном мире. Для этой борьбы он нуждается в помощи тех душ, которые приносят наверх в духовный мир мало жестко отпечатанных, четко отчеканенных фантастических образов. Так мы видим Дух Михаила, и в его свите некоторое число русских душ, ведущих борьбу за очищение духовного горизонта, видим их в жестокой борьбе с душами, пришедшими с Запада и приносящими вверх четко отчеканенные фантастические образы. Эти образы должны быть рассеяны, растворены. Мы видим, что эта борьба между Востоком и Западом готовилась с последней трети 19 века, острая борьба, которая должна была послужить прогрессу человечества и которая состояла в том, что европейский Восток духовно боролся против европейского Запада, что духовная Россия вела острую духовную войну против духовной Франции. Мои дорогие друзья, это относится к самым потрясающим событиям современности - видеть, как в том же масштабе, в котором здесь внизу, на арене великого заблуждения заключается союз между Западом и Востоком (*имеется ввиду Антанта - примеч. перев.*), а наверху, в духовном мире происходит острейшая борьба европейского Востока, России, против европейского Запада, Франции. Тут мы имеем дело с одним из тех случаев, которые так потрясающе действуют на духовного исследователя, когда он может видеть, как то, что находится за покровом внешне чувственного мира, часто является противоположностью тому, что происходит здесь, внизу, в стране заблуждения. Но я хотел бы всё снова и снова предостеречь; не следует верить, что такие дела можно уладить посредством спекуляций. Очень сильно ошибся бы тот, кто из того, что было сказано мною относительно отдельного случая, - что духовное выступает в качестве противоположности к тому, что делается в области грубой Майи, - захотел бы вывести заключение, что всегда должен исходить из противоположности, желая перейти от

физического к духовному. Ибо имеются случаи, когда в духовном мире вещи разыгрываются точно так же, как в физическом. Между этими случаями и другими, когда события в духовном и физическом разыгрываются столь противоположно, как в случае союза Франции и России, существует множество промежуточных ступеней.

Сегодня люди ещё слишком мало ощущают то, исходя из каких импульсов духовная наука должна делать свои сообщения. Наше время стало, я хотел бы сказать, в известной степени легкомысленным, а именно в отношении того, что отдельный человек рассматривает как информационную ценность, ценность информации; ибо слишком мало задаются вопросом об ответственности того, кто сообщает, ответственности перед теми, кто физическими глазами берется рассматривать связи духовного мира. Возможно, я позволю себе, - не из личных причин, но только ради иллюстрации, - сказать кое-что в связи с лекцией, прочитанной мною позавчера. Видите ли, в этой открытой лекции, в которой я, конечно, мог говорить только внешне, экзотерически, я говорил, тем не менее, не столь экзотерически, как это обычно полагают, и я был бы рад, если бы на таких лекциях, хотя бы немного взвешивали культурные задачи, которые имеет духовная наука. Именно в преподнесении и форме высказывания того, что должно быть сказано, должно выражаться то, что стоит за сказанным как духовная наука. Это не какие-то спонтанные произвольные идеи, это нечто взаимосвязанное. Возьмите такой пример: я сказал, что человек, если он хочет вынести суждение об отношениях отдельных европейских наций в этой войне, должен был бы учитывать историю; так, например, он должен был бы вспомнить о том, что Австрия приняла свою миссию на Балканах с подачи английской политики, и что, в сущности, всё то, что было предназначено для Австрии, было следствием импульса, донесенного до неё из Англии. Я говорил,

что надо обращать внимание, надо принимать к сведению то, что Австрия, а, тем самым и Германия, пришли к особому антагонизму с Россией. Это является следствием того, что Англия, оставив своё собственное занятие, борется против Германии, в то время, как центральные силы пришли к антагонизму с Россией из-за того, что Австрия, вследствие английского импульса была уполномочена на Балканскую миссию, и даже на то, чтобы, оказав помощь туркам, остановить влияние русского Востока. Само собой разумеется, в одной экзотерической лекции, подразумевающей большую аудиторию, можно всего лишь указать на то, что может воздействовать на ощущения, именно те, которые сегодня следует пробудить. Однако, что же стоит за этим делом? Внешне, экзотерически мы видим английскую политику на стороне русской, которая именно вследствие действий Англии была доведена до своих последствий. Это мы видим внешним образом. Духовный исследователь, который видит эти вещи в духовном мире, может сделать сегодня весьма своеобразное открытие, в высшей степени замечательное открытие. Давайте допустим, что духовный исследователь стал бы, заняв особо перспективный пункт, смотреть снизу вверх. То есть, он на физическом плане занял бы перспективный пункт, и направил взор вверх на астральный план. Он мог бы занять этот пункт и выше астрального плана. Тогда он стал бы видеть то, что разыгрывается на физическом плане и как бы одновременно то, что разыгрывается на астральном плане. Это было бы подобно совместному плаванью. Не правда ли, если снизу вверх или сверху вниз смотрят сквозь астральный план, то сквозь астральный план видят физический план и наоборот. Если смотрят на физический план, то там Англия воюет против турок, с тех пор как турки объявили войну России. Однако это всего лишь Майя, ибо в действительности астральное существо Англии воюет вместе с турками

против России. Так что видно такое зрелище; на северо-востоке Англия воюет за Россию, а на юго-востоке Англия воюет за турок, то есть против России. Первое имеет решающее значение для физического плана, а второе – для астрального плана.

Если человек противостоит миру с такими познаниями, он чувствует: можно, конечно, не сообщать эти познания внешним образом публике, но они побуждают к тому, чтобы выставить на обозрение эту непоследовательность Англии на Востоке. Выделение этого пункта основано на познании духовных связей. Это то, посредством чего я хотел бы указать на ответственность, которую несёт человек при согласовании отдельных истин с той формой, в которой они даются. Нельзя подтасовывать материал излюбленным образом, - как делают это делатели книг или журналисты, - если чувствуют оккультную ответственность, но необходимо то, что должно быть сказано, извлекать из сущности действия времени. Не ради того, чтобы высказывать что-либо личное, но только чтобы обратить ваше внимание, сказал я то, что духовная наука, если она выступает перед миром с полной ответственностью, должна восприниматься со всей серьёзностью. Она не должна искажаться посредством всего того, что сегодня широко действует как журналистика, книжное деячество, которые, комбинируя, очень далеко удаляются от такого чувства ответственности по отношению к духовным властям времени. Именно в наше время, мои дорогие друзья, я позволяю себе немного обратить внимание на эту серьёзность духовной науки. Ибо наше время во многих отношениях показывает нам свой серьёзный лик, поистине серьёзный лик, и только те будут правы по отношению к этому времени, кто с достоинством поймут серьёзность этого лика.

Я хотел бы также, чтобы закрепить это для вас, провести перед вашей душой одну интересную для учеников духовной науки связь. Уже часто говорилось

о том, что духовная наука выступила в современности отнюдь не потому, что была произвольным делом того или иного, или поскольку тот или другой создал её по своей склонности к идеалам и хотел бы преподнести её другим людям. Нет, она выступила потому, что теперь такая эпоха, когда духовные существа, которые держали закрытой дверь, раскрывающую человечеству эти истины, раскрыли её, чтобы эти истины изливались вниз в человеческую душу. Мы идём навстречу такому времени, когда люди должны будут всё больше и больше принимать мудрость, которая будет усваиваться душой не только в абстрактных понятиях, не только в серых идеях рассудка. Мы живём навстречу тому времени, когда в человеческие души в человеческие чувства хочет войти то, что мы называем имагинацией. Можно сказать, если видишь эти вещи: они (*имагинации*) нависают тут, как плотные тучи нависают внизу над ландшафтом перед непогодой, они нависают в духовном мире, хотят войти в человеческие души и ждут, когда эти человеческие души созреют. Да, как раз настало такое время.

Тут существует своеобразный закон: это имагинативное начало, которое хочет войти в человеческие души, но как имагинации ещё не может быть воспринято в какую-либо эпоху, отбрасывают далеко вниз на физический план подобный Фата-Моргане, миражу, образ, отбрасывают столь же далеко вниз, насколько само это имагинативное начало находится над физическим планом. Эти имагинации вызывают в человеческих существах страсти, чувства, порывы, инстинкты, которые изживаются в антагонизме. И если сегодня проявляют инстинкты, извержения страстей, с которыми народы ссорятся друг с другом, это, ни что иное, как результат того, что имагинации, которые должны были бы быть восприняты европейскими народами, не могут спуститься вниз. Вследствие этого они отражаются посреди физического плана в

подсознании людей в таких противоречащих истине страстях и инстинктах. В сущности, мы можем сказать, что всё, что мы переживаем в современности как выявление страстей и инстинктов, является выражением того, что обновлённые имагинации хотели бы вступить в мир культурного развития человечества. Всё то, что так часто выбрасывает на поверхность столь трагические явления, есть трансформированные имагинации, которые человечество не может охватить.

Опять-таки, - поскольку это никогда не казалось мне неважным, - я обращаю внимание на то, чего не следует говорить: мол, всякая война есть трансформированная имагинация. - Война может быть чем-то совершенно другим. С нынешней войной дело обстоит так, как я сказал. Но генерализация, обобщение, которое имеет значение для познания физического плана, не имеет значения для духовного мира. Здесь вещи должны быть исследованы в отдельности, индивидуально.

Сегодня мы видим, - и мне хочется сейчас поставить перед вашими глазами одно явление, чтобы пояснить его, - мы видим сегодня, как люди, принадлежащие к разным народам с ненавистью преследуют друг друга, как они бранятся между собой. Откуда это пришло? Если мы со всей глубинной серьёзностью принимаем концепцию повторных земных жизней, нам не покажется особо непонятным, что души в своих повторных жизнях проходят через различные национальности. Те, кто проделывает сегодня свою инкарнацию в немецком теле, возможно уже готовится к тому, чтобы ближайшую инкарнацию проделать в английском теле; тот, кто сегодня инкарнирует в английском теле, возможно, готовится к тому, чтобы следующую инкарнацию проделать в немецком теле. Человек является таким двойным существом, двойственностью. Мы внешним образом стоим перед миром, - не только в отношении внешнего физически-

чувственного взгляда, но и в отношении многого другого, - будучи вполне правомерным образом связанными посредством нашего физического тела с сущностью и тканьем Народной Души. Но во внутреннем мире уже приобретает цену то, что в другой инкарнации может оказаться совсем иным. Посреди различных вещей, враждебных человеку, он может оказаться враждебен своему собственному наиболее внутреннему существу. С ним - то, чаще всего, он и воюет. Он не знает, что это - его самое внутреннее существо. Возьмём англичанина, который предназначен посредством самого внутреннего в своей душе к тому, чтобы в следующей инкарнации стать немцем. Сегодня мы видим его, как он воюет против своего собственного внутреннего мира. Он воюет против своей ближайшей немецкой инкарнации. Сегодня это выражается в том, что он самым позорным образом ругает немецкое. Целясь в немецкое тело, он проявляет ярость против того, что в спиритуальном мире является его самым внутренним существом. Это, в сущности, столкновение души с самой собой, и только внешне, в Майе дело обстоит так, что там, по ту сторону пролива ругают людей из Средней Европы. В сущности, эта ругань относится к собственной душе. В этом обнаруживается глубочайший трагизм, который должен охватывать человека во всех его ощущениях и в своих наиболее внутренних импульсах, когда он там, где вещи становятся наиболее горькими и серьёзными, сравнивает внешнюю Майю с тем, что находится внутри него.

Так можем мы видеть Народные Души как реальных, живых существ, которые проникают, пронизывают отдельного обособленного индивидуума. И то, что переживает отдельный человек, он переживает, будучи связан с Народной Душой. На физическом плане, во внешней жизни, стоят сегодня люди по отношению друг к другу. Одна нация упрекает другую нацию за вину в войне, и

считает, что тем самым сказано нечто особенное. Как в действительности обстоит дело с этими упреками и виной, с этими обвинениями? Карма каждого народа и карма данного народа само собой связана с тем, что изживает Народная Душа в народе, и как импульсы направляет в отдельное эфирное тело, а тем самым также и в астральное тело. Так живут отдельные нации, - друг рядом с другом и друг с другом, - в таких отношениях, которые являются выражением отношений их Народных Душ с кармой этих Народных Душ. И если одна испытывает что-либо из-за другой, если с одной происходит то или иное из-за другой, это происходит не без связи с самой внутренней кармой. Поскольку Народная Душа является обособленным существом, существует также национальная карма. И в то время, как на внешнем экзотерическом уровне верят в то, что одна нация так или иначе обижает другую, то происходит это так, что всякая нация в том, что она переживает, переживает свою индивидуальную национальную карму. Если одна нация наносит поражение другой, то в этом поражении побежденной нации совершается нечто, что она сама нанесла себе посредством её собственной кармы. И если человек совершенно грубым образом, что с внешней стороны правомерно, говорит о праве одной или другой нации, это ни что иное, как если бы некто был стариком и видел рядом с собой маленького ребенка, который дерзок и наращивает молодую силу, и этот старик сказал бы: почему я стал таким старым, почему я всё снова и снова обнаруживаю свою ветхость? Я вижу: это ребенок, он отнимает у меня силы; когда я становлюсь старше, ребенок отбирает у меня силы. - В то время как старик теряет свои силы вполне естественным образом, он может поддаться обману, - ребенок этого не делает, но я, уже слышал такие вещи, - что ребенок, мол, отбирает у него его силы. Очевидно, что это бессмыслица, поскольку каузальные, причинные связи заложены в каждом

отдельном существе. Но так обстоит дело и с кармой народов. Народы существуют друг рядом с другом, и если один народ побеждает другой, то это победа его кармы; если в результате этой самой победы другой народ оказывается побежденным, то для этого другого народа его поражение вызвано его другой кармой. Так духовная наука вносит реальное умиротворение в души, если она с другой стороны видит то, что противодействующие друг другу силы именно должны противодействовать друг другу.

Именно благодаря таким вещам сегодня можно указать на то, что духовная наука не хочет просто вести игру с сенсационными понятиями, но что духовная наука, если её рассматривают во всей её горькой серьёзности, действительно потрясает нашу душу и делает из человека другое существо, если он принимает её всерьёз. Только это должно по-настоящему броситься в глаза, броситься в глаза надлежащим образом: с какой поверхностью порой духовную науку принимают за чисто рассудочную игру, тогда как надо было бы принимать её как то, что действительно может сделать из человека совсем другое существо. Многое будет дано, если человек занимается такими вещами, будет дано понимание многих связей.

Если два человека имеют разные взгляды о каком-либо деле, разыгрывающимся перед ними, то один, как правило, бывает неправ. Можно было бы с легкостью доказать, что один из них неправ. Но индивидуальная жизнь людей протекает иначе, нежели жизнь наций. Нельзя идентифицировать жизнь наций с жизнью отдельного индивидуума, нельзя считать, что деяния наций могут подлежать тем же импульсам суждений, как жизнь отдельных людей. А то судят так, как никогда не следовало бы судить, судят, рассматривая отношения наций в некоем голубом тумане, как, например, в том случае, когда говорят, что надо было объявить войну Германии, так как она нарушила нейтралитет

Бельгии, - как это говорят, - надо было объявить войну по моральным причинам. В политике просто бессмысленно использовать те же самые категории, которые с правом используются при вынесении суждения об отдельном человеке. Ведь, само собой разумеется, что интересы Германии требовали продвигаться через Бельгию, а интересы Англии требовали, чтобы этого не произошло. В тот момент, когда прямо утверждают, что есть интересы тут и есть интересы там, имеют перед собой нечто указывающее на то, что имеются противоположные интересы. Если два человека утверждают нечто противоположное, то можно доказать, что один из них неправ. Если же две нации должны делать нечто противоположное, тогда они именно **должны** это делать. Верить в то, что с суждениями одной стороны можно смести другую сторону, точно так же разумно, как если бы кто-то пожелал сказать: ты нарисовал мне дерево, у него есть сучки, один тут, другой там; это совершенно неверно, потому что дерево выглядит вот так. - И он рисует так, что здесь расположен один сучек, здесь, на другой стороне - другой и так далее. Один человек рисовал дерево с одной стороны, а другой человек - с другой. Конечно, это было бы можно соединить, свести вместе. Но то, что происходит в мировой истории нельзя исправить посредством простого совместного разглядывания. Когда Народные Души с их разнородным сознанием должны сделать какую-либо вещь посредством людей, то невозможно, чтобы кто-нибудь решал, применяя суждение типа: один прав, а другой неправ, - нет, тут имеются контрастирующие интересы, которые по необходимости должны разрядиться в таких явлениях, как нынешние. Этому не противоречит то, что сказано с той и с другой стороны. Как нельзя верить в то, что карма одного (народа) не стоит самостоятельно рядом с кармой другого (народа), так нельзя верить и в то, что посредством суждений с одной стороны можно опровергнуть суждения другой

стороны. Ибо один народ может иметь интересы, выступать против которых, не было бы нарушением долга со стороны государственного деятеля другого народа, в то время как, само собой разумеется, долгом государственного деятеля первого народа является – отстаивать эти интересы.

Суждения людей, суждения в сознании, которые мы имеем на физическом плане в рамках нашего физического тела, действительны лишь на арене рассудка и на уровне диалектики выравнивают то, когда одно суждение одерживает верх над другим. Иначе выносит суждение сознания Народных Душ. Они точно так же имеют отличающиеся друг от друга суждения, но эти суждения не являются чисто рассудочными суждениями, нет, они являются фактами. Если одно суждение одерживает верх над другим в сфере людей, то это не влечет за собой ничего плохого; при этом, хотя и убивают нечто, но не рассматривают это как смерть. Иначе обстоит дело, в том случае, когда происходит взаимное столкновение того, что господствует в сознании Народных Душ, и не является абстрактными суждениями, действующими на уровне диалектики, но действует как факты. Тут надо видеть железную необходимость того, что произойдет нечто (*убийственное*). При этом нужно иметь возможность некоторым образом принять в свою душу некую форму суждения, духовную форму, которая не согласуется с духовной формой, применяемой в повседневном общении.

Человек должен как бы мыслить с Народной Душой, мыслить посредством Народной Души, а не посредством отдельной индивидуальной человеческой души. Если человек мыслит посредством отдельной индивидуальной человеческой души, то, само собой разумеется, он попытается не выносить такое суждение, которое вступает в противоречие с другим суждением, ибо тогда он не смог бы жить в мире людей на социальном уровне. Если же человек

должен мыслить и ощущать посредством Народной Души, мыслить и ощущать с Народной Душой, тогда наступит время, когда ему станет невозможно занять по отношению к ней какую-либо иную позицию, как только идентифицироваться с ней, и считать её содержание правомочным, не выходя за пределы этой Народной Души, не сравнивая то, что она должна делать с тем, что должны делать другие (Народные Души). Ибо это дело других, кто не позволяет свести себя к одному общему сознанию, которое идёт от сознания к сознанию. Вот почему вы поймёте, что с этой точки зрения можно задать вопрос: что должен сказать немецкий народ о своей миссии, если он чувствует себя потомками Фихте, Шиллера и других великих? - Он должен сказать: то, что сегодня предпринимается, является внешним воплощением его духовной миссии, и что нельзя не вступить за это. Тот, кто принадлежит этому народу всеми фибрами души должен чувствовать: это должно было произойти. - Невозможно, чтобы тот, кто четко представляет себе, что должно исходить из немецкого народа, назвал это атакой. Атака, нападение на другой народ начинается тогда, когда начинают ругать этот другой народ. Эти вещи сегодня должны быть поняты особенно глубоко: наступление позитивного для того, чем является существо народа, означает, в сущности, ничто иное, как то, что на уровне индивидуального сознания позволяет сравнить себя с фактом, что человек может заботиться только о своём собственном теле, чтобы оно по возможности было в порядке, и не заботиться тем же самым образом о других телах.

Я прошу вас, заметьте, что здесь заложено нечто, задающее направление для суждения, которое мы можем получить из источника духовного исследования.

Когда мы заглядываем в ткань и сущность Народных Душ, и видим то, что находится позади, за тем, что разыгрывается внешне, то для, можно

сказать, духовного исследователя именно сегодня дело обстоит поистине очень серьёзно, чрезвычайно серьёзно. Но нашему времени подобает серьёзность, и это в некоторой степени зависит от факта, что мы видели величайшие военные события наряду с большой потребностью времени основать культуру, которая считается с тем, что находится за чувственным покровом. И правильно судить о том, что разыгрывается сегодня во внешнем мире, будут те, кто видит во внешних событиях нечто подобное знаку, мощному мировому символу для восхождения чего-то нового в эволюции человечества.

Я говорил: не только рассудок с его предубеждениями в человеке восстаёт против того, что должна говорить духовная наука о сверхчувственных существах за внешними вещами, но и чувство и волевые импульсы восстают против. Они не хотят духовной науки, поскольку душа должна трансформироваться и относительно многого чувствовать и ощущать иначе. Вот что я говорил. И это тоже правда. Ведь мы спим не только ночью, мы частично спим и днём только ночью наше вожделение к физическому телу столь сильно, что оно подобно туману проникает наше астральное тело и «я» и угашает наше сознание. Когда мы с тем же самым астральным телом и с тем же самым «я» удовлетворяем это вожделение, втягиваясь в наше физическое тело, тогда то, что мы развиваем тут как сознание, проникается влияниями Народной Души и тут сознание снова пропитывается, так что тут, внизу, несмотря на то, что мы верим, будто бодрствуем, нечто всегда спит в нас. В сущности, в нас всегда нечто спит; уже то является в нас сном, как воздействует в нас Народная Душа, ибо это происходит не в том же самом сознании, посредством которого мы выносим суждения во время дневного бодрствования. И к этому, к этому сну дня, который лишь прикрывается посредством обычного сознания, к этому сну принадлежат также воздействия

Народных Душ других национальностей. Известным образом они действуют снова в спящей человеческой душе и вызывают другие явления, нежели во сне; однако они вызывают явления на физическом плане.

В то время как, например, немецкий народ благодаря Гёте обладал эволюционным учением, которое пришло из глубочайших недр самой немецкой сущности, этот народ оставил это учение без внимания и принял дарвинизм. Как итальянский народ должен развивать душу ощущающую, французский народ – душу рассудочную, английский народ – душу сознательную, так немецкий народ должен развивать «я»; многое будет понятно в сущности немецкого народа, если почувствовать и обратить внимание на то, как всё, чем является немецкая культура, проистекает из «я». Эта связь бытия «я» с наиболее священными духовными ценностями, является основной характеристикой среднеевропейского человека.

В одном явлении это обнаруживается особенно сильно. Если мы возьмём оккультные истины и посмотрим на Запад: там внешняя культура мало связана с тем, что выступает как мистика, как оккультизм. Это, в сущности, всегда представляет собой два проходящих друг рядом с другом течения. Было бы нелегко в обычном книжном магазине в Париже отыскать что-то связанное с оккультизмом; тут надо идти в другие, где это выставляют. Мы видим, как в Германии всё это лежит, всё, исходящее из «я», видим, как немцы имеют Якоба Бёме, как немецкое культурное развитие немислимо без этого оккультного элемента. Подумаем о Гёте и Лессинге. Тут два потока не текут один наряду с другим, но есть один поток, который действительно пронизывает жизнь и проникает духовность, тут нельзя выступать с материалистическим воззрением, будто бы Христос теперь снова воплотился в одного физического человека, как это пропагандирует «Звезда Востока». Вот почему существовала необходимость, - как

существует сегодняшний антагонизм между Германией и Англией, - необходимость, относительно которой нельзя было ждать, пока она приведет к войне; это то, чтобы начисто отделить немецкий оккультизм от того, чем является английский оккультизм. Возможно, тот или иной задумаются над тем, почему такое отделение было необходимо. Я в этом отношении хотел дать только одно указание. Ведь действительно человек может увидеть нечто, касающееся своего рода прообраза, при сопоставлении фактов, при оправдании фактов, если сегодня он возьмёт письма Грея и Анни Безант: стиль, способ доказывать, сопоставлять вещи у обоих имеет большое сходство. Но тем самым я хочу всего лишь указать на то, как то, что исходит от немецкого народа, связано с наиболее внутренним содержанием души.

Если немец бодрствует, он придерживается, например, - я говорю об этом как о факте, без симпатий и антипатий, - глубокого эволюционного учения Гёте, которые установил последовательность организмов; импульс к упорядочиванию был получен из наиболее глубоких недр «я». Исходя из души сознательной, спустя столетия Дарвин снова дал это, но с материалистическими чертами. Мир понял это с большей легкостью; даже немецкий мир охотнее принимал эволюционное учение с дарвинской окраской, нежели с окраской Гёте. Гёте, исходя из глубин немецкой сущности, основал учение о цвете, хроматику; физики всё ещё рассматривают её сегодня как вздор, так как внешний мир принял учение о цвете Ньютона. Когда вместо гётевского эволюционного учения и хроматики, учения о цвете были приняты учения Дарвина и Ньютона? Тогда, когда в составе немецкого народа люди спали и могли воздействовать другие Народные Души. Вот тут мы имеем тот самый сон посреди бодрствования. Когда же затем эти люди растормошились, проснулись, ещё не оценив это дело, они заметили: тут что-то

неправильно, - тогда они пошли и взяли свои шкапулки, в которых они хранили полученные из Англии ордена. Они отослали ордена назад, но только забыли при этом, отослать вместе с ними английскую интерпретацию эволюционной теории или ньютоновскую интерпретацию учения о цвете. (Так поступил Эрнст Геккель - примеч. перев.) В качестве хорошего рецепта тут мог бы послужить пример известной направленности учения Геккеля. Так тут переживаются некоторые вещи. Так, например, даже в эти дни можно было пережить, можно было услышать, что в особом научном обществе в разных немецких городах читаются лекции о том, что интернациональная сущность народов оказалась разрушенной из-за этой войны. Обращается внимание на то, что, будучи правильным в больших масштабах, оказывается неправильно, будучи приложено к тому, к чему должен прилагать это тот господин со своим обычным профессорским рассудком. Исходя из этих масштабов, весьма странно звучит, когда этот господин говорит: интернационализм должен наступить сразу же, как только минует война, ибо в ином случае немцы потеряли бы кое-что, и снова пробудилась бы та особая метафизика, которую немец культивировал до сих пор, радуясь тому, что этот немецкий дух с его склонностью к сверхчувственному оказался затопленным теми народами, которые мало склонны к сверхчувственному. - Вот что можно было слышать в эти дни в одной специальной экономической лекции: страх перед пробуждением немецкой сущности.

Можно было бы говорить очень много; мне хотелось высказать лишь кое-что о том, чего можно достигнуть, если человек примет ту, для внешнего понимания жизни горькую, но всё же, воодушевляющую серьёзность, которая как волшебное дыхание струится в нас, если мы принимаем духовную науку во всей её глубине.

Взвесить, почувствовать, ощутить это, - вот то, к чему обязывает нас время; с такими чувствами мы смеем окинуть взором это время, смеем чувствовать себя в единении с теми, кто стоит там вовне, кто кровью и душой должен отстаивать то, что требует карма.

Давайте обобщим то, что должно быть нам как познанием, так и нашей задачей, что должно вселять уверенность, - давайте обобщим это в словах:

Из мужества борцов
Из крови жертв,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных деяний народа
Взрастёт духовный плод,
Если души, сознавая дух
Направят свои чувства
В царство духа.